

А.А. Смирнова

Политико-правовые взгляды Николая I: к истории создания Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии

В Российской империи проблема создания единого и систематического законодательства существовала со времен Петра I. Последний свод законов – Соборное уложение царя Алексея Михайловича – значительно устарел уже к началу XVIII в. Огромное количество указов, уставов и регламентов XVIII в., нередко взаимоисключающих, слишком запутало российское законодательство. Попытки создания нового уложения предпринимались и Елизаветой Петровной, и Екатериной II, и Александром I. Но все они оказались неудачными. При восшествии на престол Николая Павловича Россия всё ещё не имела стройной системы законов. Николай I осознавал весь вред, проистекающий от такого положения дел.

Поставив целью своего царствования построение государства, где всё подчиняется единым законам, император немедленно приступил к кодификации законов в империи. Для этой цели в составе собственной е.и.в. канцелярии особым рескриптом на имя князя Лопухина от 31 января 1826 г. создается особое Второе отделение, которое и должно было осуществить давнюю мечту российских государей – привести в единую систему все российское законодательство.

История кодификации законов, проведенная в царствование Николая I, хорошо освещена в отечественной историографии. И тем не менее до сих пор остались открытыми многие вопросы. Среди них одним из самых значимых является вопрос о том, почему эти труды были поручены не Сенату, не Министерству юстиции, не Государственному Совету, в составе которого был отдельный Департамент законов, а новому учреждению, настолько новому, что даже место его в системе государственной власти до сих пор является предметом дискуссий? Очевидно, что решение этого вопроса тесно связано с личностью Николая I. Что именно монарх подразумевал под понятием «совершение трудов по Уложению отечественных наших законов»? Ответить на него можно, только проанализировав политико-правовые взгляды императора Николая Павловича.

Действительно, как отмечают исследователи, «долгое время бессвязность и противоречивость многочисленных законов были очевидны, но все попытки исправить положение обрекались на неудачу» [1, с. 359]. В настоящий момент достаточно известна история всех попыток государственной власти провести кодификацию российских законов при предшественниках Николая I. Наиболее полно она изложена В.Н. Латки-

ным в сочинении «Законодательные комиссии в России в XVIII в.» [2]. Три попытки при Петре I (в 1700, 1714 и 1720 гг.), одна (в 1728 г.) при Петре II, одна (1730 г.) при Анне Иоанновне, две – при Елизавете Петровне (1754 и 1760 гг.), самая известная попытка Екатерины II – «Уложенная комиссия» 1767 г., одна (1797 г.) при Павле I и одна (1804) при Александре I, – все они оказались неудачными.

М.М. Сперанский видел причины этих «провалов» в работах комиссий, «в обстоятельствах времени и в распорядке работ»: в том, что «правительство по необходимости употребляло к сему делу людей большею частью занятых, обремененных другими делами», а в людях «соединение теории (то есть теоретических знаний права) с опытностью (то есть с практическим знанием законов) случалось очень редко» [3, с. 55–57].

Не оспаривая приведенное мнение Сперанского в целом, известный историк права В.Н. Латкин отмечал, что главная причина всех неудач в деле кодификации находится в иной плоскости, а именно в очень быстрой смене всеми комиссиями «планов своих работ, имевших в существе своем один общий органический порок – трудность примирения в одном кодексе противоречивых, несходных не только по духу, но даже по языку узаконений» [4, с. 199].

Для Николая I причина столь бедственного положения российского законодательства виделась по-другому. Ему были хорошо известны господствовавшие в то время в Европе правовые учения и доктрины. Либеральные взгляды «века Просвещения», Естественная школа права с ее представлениями о *законности* и *общем благе*, стоящими *над* государственной властью, которая должна только охранять эти незыблемые основы, сочинения Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и прочие – волновали российскую общественность, покоряли умы российского дворянства и вынуждали самодержавную власть вновь и вновь задумываться над вопросом об основах государственного строя, а следовательно, об основаниях российского государственного права.

В итоге, по меткому замечанию одного современного историка, «идеалы Екатерины натолкнулись на радищевское описание несправедливости и бесчеловечности», а «грезы Александра завершились заявлением гвардейских офицеров о том, что самодержавие несовместимо с общим благом» [5, с. 105]. Не следует забывать и о впечатлении, которое произвела на Николая Павловича трагическая судьба его отца – Павла I.

Восстание декабристов вновь потрясло Николая Павловича, но избавило его от сомнений. В беседе с А.С. Пушкиным 8 сентября 1826 г. во время коронационных торжеств в Москве государь утверждал, что «Россия еще не вышла из периода борьбы за существование. Она еще не достигла своего политического предназначения. Она еще не оперлась на границы, необходимые для ее величия. Она еще не есть тело вполне установившееся, монолитное, ибо элементы, из которых она состоит, до сих пор друг с другом не согласованы. Их сближает и спасает только самодержавие – неограниченная, всемогущая воля монарха. Без этой воли не было бы ни развития, ни спайки, и малейшее сотрясение разрушило бы все строение государства» [6, с. 145].

В начале прошлого века один из биографов Николая I А.Е. Пресняков писал: «Понятие “права” осталось чуждым мировоззрению Николая; юридические нормы для него – только законы как повеления власти, а повиновение им основано на благонамеренности подданных» [7, с. 267]. Подобного мнения придерживался и П.А. Зайончковский, отмечавший, что «собственно понятие «право» для него (Николая I. – А.С.), особенно в последние годы его жизни, не существовало, в силу чего самодержавие в этот период приближается к деспотии» [8, с. 106].

Безусловно, понятие «право» в том его значении, каком видели его представители Естественной школы права, и которое закрепилось в юридической науке нашей страны на рубеже XIX–XX вв., для Николая Павловича действительно не существовало. Но, тем не менее, нельзя утверждать, что Николай I отрицал необходимость права.

Биограф М.А. Балугьянского П. Баранов, повествуя об одной из встреч Михаила Андреевича с Николаем I в самом конце 1825 г., в частности, приводит высказанное мнение последнего «о необходимости восстановить законы, как *опору всякого порядка* и основу народного благоденствия» [9, с. 24]. В уже упоминавшейся беседе с А.С. Пушкиным Николай I очень ясно выразил свои убеждения по этому поводу: «Сила страны – в сосредоточении власти; ибо, где все правят – никто не правит; где всякий – законодатель, там нет ни твердого закона, ни единства политических целей, ни внутреннего лада. Каково следствие всего этого? Анархия!» [6, с. 144].

Очевидно, что для нового государя залогом *правопорядка* в стране являлась его *самодержавная власть*, которая, в свою очередь, и должна была быть единственным *источником права*. Отношение Николая Павловича к законам и праву в целом хорошо известно исследователям, поэтому не вызывают сомнения слова Ричарда С. Уортмана о том, что «Николай смотрел на закон как на *сакральное* выражение собственной власти, а на его исполнение – как столько же нравственный, сколько и гражданский долг» [5, с. 105].

Другой вопрос, как осознавал этот государь свою власть. В чем видел Николай Павлович пределы своей власти? Так, П.А. Зайончковский в своем сочинении «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке» пишет, что Николай I «был нетерпим к чужим мнениям, собственные суждения представлялись ему истиной в последней инстанции, а иные точки зрения рассматривались как проявление крамолы в различных ее видах» [8, с. 106]. Еще более жестко высказалась современница Николая Павловича, придворная дама А.Ф. Тютчева: «Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти или в законности ее. Он верил в нее со слепой верою фанатика... Его самодержавие милостью Божией было для него догматом и предметом поклонения, и он с глубоким убеждением и верою совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии – сохранить этот догмат во всей чистоте на Святой Руси, а вне ее защищать его от посягательств рационализма и либеральных стремлений века – такова была священная миссия, к которой он считал себя призванным самим Богом и ради которой он был готов ежечасно принести себя в жертву» [10, с. 386]. С такими резкими суждениями вряд ли можно согласиться.

Сам Николай Павлович никогда не воспринимал власть как неограниченное своеволие. Для него естественными и единственными границами самодержавной власти стали нормы православного вероучения. Наиболее ярко это понимание сущности самодержавной власти смог выразить К.П. Победоносцев, обер-прокурор Священного Синода и знаменитый защитник монархического консерватизма XIX в.: «Великое и страшное дело – власть, потому что это дело священное... Власть – *не для себя* существует, но ради Бога, и есть *служение*, на которое *обречен* человек. Отсюда и безграничная, страшная сила власти, и безграничная, страшная тягота ее» [11, с. 184]. «Религия, и именно христианство, – развивает свою мысль Победоносцев в другой статье, – есть духовная основа *всякого права* в государственном и гражданском быту и всякой истинной культуры» [12, с. 273].

Пожалуй, после перерыва более чем в столетие, русское государство вновь явило свою *православную* сущность именно в государе Николае I. Так, графиня А.Д. Блудова в 1850 г. писала: «Николай Павлович – самый православный государь из царствующих над нами со времен Федора Алексеевича» [13, с. 357]. Митрополит Киевский Платон (Городецкий), вспоминая почившего государя Николая Павловича, говорил: «То был истинно православный, глубоко верующий русский царь, и едва ли наша история может указать другого подобного ему в этом отношении» [14, с. 382]. А в понимании православного человека самодержавное царство должно стать иконой (подобием) Царства Небесного, в котором император для подданных прежде всего отец и хозяин, а отношения

в обществе строятся по принципу *служения*, а не *рабского повиновения*. Но здесь необходимо добавить, что в то же время исследователи отмечают, что хотя «царь был глубоко верующим человеком, более всего ценившим в других христианское начало, но вовсе не фанатиком» [1, с. 183].

«На правде основана всякая власть, и поелику правда имеет своим источником и основанием Все-вышнего Бога и закон Его, в душе и совести каждого естественно написанный, – то и оправдывается в своем глубоком смысле слово: несть власть, аще не от Бога... (Рим. 13:1)» – этими словами К.П. Победоносцева можно наиболее четко охарактеризовать и взгляды Николая I на природу власти [11, с. 205].

Таким образом, по мысли Николая I, самодержавная власть определяла систему права, ее основания и принципы, а также доступные пределы модернизации этой системы. Поэтому вряд ли можно *целиком* согласиться с вышеупомянутым мнением А.Е. Преснякова, но только в той части, где исследователь подчеркивает неприятие Николаем I «теории «естественного права», которую ему внушал проф. Кукольник», и особую симпатию к «реакционно-романтическим веяниям немецкой политической литературы, столь ценным в родственном ему Берлине» [7, с. 267]. В данном случае речь идет об исторической школе права, основанной профессором Берлинского университета Ф.К. Савиньи. В основе этой правовой теории лежал подход, который «представлял законы каждой нации выражением особых, присущих лишь этой нации свойств и потребностей, ...и порывал с представлением о том, будто право должно отвечать универсальным естественным нормам, и, освящая законодательство, изданное самодержцем, ограждал его от суждений извне» [5, с. 106].

Существует известное мнение о том, что Николай I был слабо подготовлен к государственному управлению, особенно по части права. Самая яркая характеристика в этом вопросе принадлежит М.А. Корфу: «Непосвященный, ни своим воспитанием, ни родом предшествовавшей своей служебной деятельности, в таинства нашей юриспруденции, он, при стремлении своем вникать во все самому, старался просветить себя и по этой части» [15, с. 299]. И даже такой близкий Николаю I человек, как его собственная дочь, в своих воспоминаниях «Сон юности» писала: «Влечение Папа к тому, чтобы быть обо всем осведомленным и учиться новому, происходило от сознания, что те науки, которые он проходил в молодости, были недостаточны. ...он осознавал свою неподготовленность и старался окружить себя достойными людьми» [16, с. 207].

Тем не менее следует отметить: уже в самом начале царствования, в беседах с разными лицами император демонстрирует не только осведомленность о главнейших задачах своего правления, но и знание способов решения этих задач.

Примечательно, в связи со всем вышесказанным, что первой задачей, с решения которой начал царствование новый государь Николай Павлович, стало приведение в систему российского законодательства как надежной опоры правосудия. Впоследствии Николай I будет вспоминать то время, когда он впервые ознакомился с состоянием дел в Комиссии составления законов: «К сожалению, представившиеся сведения удостоверяли меня, что ее труды оставались почти совершенно бесплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостаток результатов происходил, главнейшее, от того, что всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва основать старые на твердых началах. Это побудило меня начать, прежде всего, с определения цели, к которой правительство должно направлять свои действия по части законодательства, и, из предложенных мне путей, я выбрал совершенно противоположный прежним. Вместо сочинения новых законов, я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют» [15, с. 300].

Тот факт, что Николай Павлович четко представлял себе, с каких дел в области внутренней политики необходимо начинать свое правление, во многом объясняет конечный успех его инициатив. Но одного желания часто бывает недостаточно. Тем более дело касалось столь масштабного предприятия, как кодификация. Императору необходимы были образованные и подготовленные кадры для подобных занятий, знающие *существо вопроса* и владеющие *методикой* кодификации. Вместе с тем восстание декабристов навсегда поселило в душе монарха глубокое недоверие к российскому нобилитету, представители которого в силу своего образования и положения принимали *самое деятельное участие* в кодификационных работах прежних царствований. Более того, это недоверие к людям было перенесено Николаем I и на отношение к государственным институтам и прежде всего к Сенату и Государственному Совету. Знаменитый эпизод с посещением императором Сената 10 августа 1827 г. – явное тому подтверждение. Служилое дворянство, представлявшее Сенат, с его условностями и необходимостью считаться с традициями которого, теперь не могло претендовать на роль опоры нового монарха, глубоко убежденного в том, что единственной опорой его власти являются догматы православия.

На основании всего изложенного становится понятным, почему император Николай Павлович не принимает решения ни о преобразовании бывшей Комиссии законов при Государственном Совете, как то было при Александре I, ни о создании новой *самостоятельной* комиссии, наподобие екатерининской «Уложенной», а берет дело «совершения Уложения отечественных наших законов» в «непосредственное свое ведение» и для этой цели создает особое (Второе) отделение в своей собственной канцелярии.

Библиографический список

1. Выскочков, Л.В. Император Николай I: человек и государь / Л.В. Выскочков. – СПб., 2001.
2. Латкин, В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII в. / В.Н. Латкин. – СПб., 1887.
3. Сперанский, М.М. Обзорение исторических сведений о своде законов / М.М. Сперанский. – СПб., 1833.
4. Латкин, В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX вв.) – 2-е изд. / В.Н. Латкин. – СПб., 1909.
5. Уортман, Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / Р.С. Уортман ; авторизов. пер. с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. – М., 2004.
6. Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово Русского Царя. Апология Рыцаря. Незабвенный / изд. подг. М.Д. Филин. – М., 2002.
7. Пресняков, А.Е. Российские самодержцы / А.Е. Пресняков. – М., 1990.
8. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России / П.А. Зайончковский. – М., 1978.
9. Баранов, П. М.А. Балугьянский, статс-секретарь, сенатор, тайный советник (1769–1847) / П. Баранов. – СПб., 1882.
10. Тютчева, А.Ф. Из воспоминаний / А.Ф. Тютчева // Николай I и его время. – М., 2000. – Т. 2.
11. Победоносцев, К.П. Великая ложь нашего времени / К.П. Победоносцев. – М., 1993.
12. Победоносцев, К.П. Сочинения / К.П. Победоносцев. – СПб., 1996.
13. Император Николай Павлович. 1850. Записка графини А.Д. Блудовой // Николай I и его время. – М., 2000. – Т. 2.
14. Митрополит Платон Киевский об императоре Николае Павловиче // Николай I и его время. – М., 2000. – Т. 2.
15. Корф, М.А. Жизнь графа Сперанского / М.А. Корф. – СПб., 1861. – Т. 2.
16. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. (Русские мемуары) / сост., предисл. Н.И. Азаровой. – М., 2000.